

АКЦЕНТЫ

ОБРАЗОВАНИЕ

Надежда Борисова: Это история про развитие

Декан историко-политологического факультета ПГНИУ — о том, для чего нужно объединение кафедр и почему важна конкуренция со всеми и вся

Евгения Пастухова

— В своём посте в Facebook, где вы анонсировали преобразования, вы отметили, что они направлены на то, чтобы «выгодно отличаться от ближайших соседей». Ближайшие соседи — это кто? И почему важно выгодно от них отличаться?

— Едва ли я имела в виду вуз такой-то и факультет такой-то.

Сказать, что мы не рассматриваем, например, педагогический университет в качестве конкурента, я не могу. Мы конкурируем за абитуриентов, которые сдают одинаковый набор экзаменов.

Педуниверситет готовит преимущественно учителей: у них акцент на педагогику, возрастную психологию, методике преподавания и другие очень специальные вещи. Мы же задачу подготовки педагогических кадров для средней школы не ставим.

Можно говорить и о том, что мы конкурируем за студентов и в рамках нашего университета. Политологи и юристы, к примеру, сдают одинаковый набор ЕГЭ.

Если мы имеем в виду тех абитуриентов, которые осознанно выбирают историю, тогда вступаем в конкуренцию с теми университетами, где есть подготовка по этому направлению и где есть бюджетные места. Например, НИУ ВШЭ. Но опять же есть нюанс: набор экзаменов различается. У них иностранный язык обязателен в качестве четвёртого предмета. Очень немногие решаются на выбор ЕГЭ по иностранному языку. С «Вышкой» мы конкурируем в тот момент, когда ребёнок в начале 11-го класса говорит: я хочу туда-то и поэтому я выбираю эти экзамены. Какой процент школьников делает такой осознанный выбор?

— Очень незначительный.

— Таким образом, мы конкурируем с историческими факультетами таких вузов, как НИУ ВШЭ, СПбГУ, МГУ, за сильных абитуриентов, готовых вкладываться в своё образование больше и сильнее. Это мы очень хорошо понимаем.

У нас много конкурентов вблизи Перми. Но нельзя сказать, что это именно Нижний Новгород, Екатеринбург, Казань или Челябинск.

Вообще, я не ставлю вопрос о том, где конкретно. Бакалавров-историков готовят много где, при этом бюджетных мест, в общем-то, у всех незначительное количество (на фоне технических и естественно-научных факультетов). В этой ситуации мы конкурируем на поле интересных и современных образовательных программ.

— Родители и дети, выбирая то или иное направление подготовки, ориентируются не на учебные планы. Им важна успешность выпускников после окончания факультета.

— Вы ставили перед собой такой вопрос? Думаю, да (на самом деле нет, потому что в 2000 году, когда я посту-

пала на «политологию», никто, по сути, не знал, что это такое. — *Ред.*). И вам, наверное, что-то советовали. Но в какой-то момент вы для себя поняли: я здесь учусь, потому что научаюсь многим разным вещам: что-то делать, как-то мыслить и так далее (это правда. — *Ред.*). Так ведь? У нас большие споры о том, что мы даём — профессию или образование.

— Образование. Кстати, сейчас в рассуждениях об образовании будущего регулярно звучит, что оно должно быть максимально широким.

— Вот поэтому мы задумались о том, что нам нужно каким-то образом модернизировать историческое образование в Пермском госуниверситете. Конечно, важно методично подходить к изучению истории, знать даты и события. Без этого никак. Но в условиях, когда у тебя есть всего четыре года, чтобы научить студента качественно работать с разной информацией, это проблематично. Раньше, чтобы что-то узнать, нужно было дойти до библиотеки, найти книжку и прочитать её. Сейчас достаточно «загуглить». Но дальше ты должен уметь работать с той информацией, которую тебе выдал поисковик. Важно критически мыслить, критически работать с раз-

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

тивными, предлагать новые дисциплины. Например, условный курс по истории войн. Интересно?

— Конечно.

— Представляете, какая должна быть подготовка у преподавателя, который выйдет на такой курс? Мы же понима-

ем, что война в Античности — это одна история, война в Средние века — другая, мировые войны — целый феномен. А война сейчас? Выходит это за рамки традиционного исторического образования? Конечно. Есть возможности для пересечения интересов русистов, зарубежников, политологов.

Может ли такого рода курс быть интересным для политологов, международников, культурологов? Да. Поэтому конкурентоспособность я вижу и здесь.

Уверена, что в скором времени у Пермского университета появится возможность реализовать тот вариант, когда у студентов есть реальный набор дисциплин, которые они могут выбирать. И в одной группе физики могут оказаться рядом с историками, историки — рядом с юристами, филологи — рядом с политологами и так далее. Маловероятно, что филологи выберут теорию политики или историю Древнего мира. Но, например, студенту журналисту или пиарщику может быть интересно послушать курс по истории войн.

Мы должны быть готовы к тому, что выбор студентов — это фактор, обуславливающий нашу, преподавателей, занятость. Мы можем предложить старую дисциплину. Её не выбрал никто, или она оказалась неинтересной. Например, политология. Если её преподавать традиционно, она едва ли будет интересна. Но вы же понимаете, что о политике можно говорить очень увлекательно, минимизируя для аудитории физиков или биологов рассказ о «высоком» теоретическом знании о политике. Условный физик, возможно, и выбрал свой факультет потому, что в школе ему не нравились история и обществознание. Зачем ему опять навязывать такую же скучную историю? Я глубоко убеждена, что дисциплины, направленные вовне факультета, должны быть по-настоящему интересными.

Конкурентоспособность — я её широко понимаю. Поэтому на вопрос, где наши конкуренты, я отвечу, что везде.

— А как вы будете измерять успешность намеченных преобразований? Что станет для вас сигналом — да, всё получилось, или нет, надо возвращаться назад?

— Можем мы представить, что преподаватели истфака предложат такие дисциплины и так классно будут их читать, что, единожды выбрав, нас будут выбирать постоянно? Это критерий успеха? Да. Можем предположить, что какая-нибудь кафедра (или даже все) будет классно работать и выпускать крутых специалистов? Да.

Тут ещё важно понимать, что подготовкой выпускников занимается не только кафедра или факультет, но и весь университет. Если мы, историки, свою работу будем делать так, как я себе это представляю, у условных юристов не появится негатива по отношению к преподавателям других кафедр. Им будет просто интересно в университете в целом. И этот интерес будет работать на их мотивацию и в конечном итоге успеваемость.

— Истфак первым в университете решился на такие преобразования?

— Нет, конечно. Например, на январском учёном совете ПГНИУ было принято решение об объединении двух кафедр на мехмате.

Поймите, это вопросы не про оптимизацию, не про закрыть и всех уволить. Я на это смотрю в другой системе координат. И поверьте мне, у деканов, которые на это решаются, аналогичное видение. Переименование кафедр происходит постоянно. Но в СМИ работают выпускники истфака, а не биофака, химфака или мехмата. На разных факультетах закрываются кафедры, создаются учебные лаборатории, объединяются структурные подразделения, меняются названия. И это, кстати, признак того, что университет живёт. Но, к сожалению, об этом не пишут в СМИ.

Печатается в сокращении.
Полная версия — на сайте newsko.ru

На разных факультетах закрываются кафедры, объединяются структурные подразделения. И это признак того, что университет живёт

ной информацией, подаваемой, кстати, в разных форматах и системах.

Я глубоко убеждена: можно сколько угодно много учить замечательной и богатой истории Англии или Германии, но мы ничего не поймём, если не будем знать особенности исторического развития Ближнего Востока. Почему рванули на рубеже XX–XXI веков «азиатские тигры». Почему сохраняется Британское Содружество. Почему Индия конфликтует вот прямо сейчас с Пакистаном. Иными словами, я себе представляю, что, получив историческое образование, можно работать и развиваться в совершенно разных сферах. Главное — смотреть на историю не через призму дат и ограниченных территорией одной страны или региона причинно-следственных связей, а шире. Для этого должны появиться компаративно ориентированные курсы и дисциплины. Перед нами стоит задача серьёзно работать. И это задача не на год или два. Нам нужны и такие преподаватели-исследователи, которые не сосредотачиваются исключительно на каком-то отдельном историческом периоде или страте/регионе. Это означает, что мы должны стать более гибкими и адап-

ем, что война в Античности — это одна история, война в Средние века — другая, мировые войны — целый феномен. А война сейчас? Выходит это за рамки традиционного исторического образования? Конечно. Есть возможности для пересечения интересов русистов, зарубежников, политологов.

Может ли такого рода курс быть интересным для политологов, международников, культурологов? Да. Поэтому конкурентоспособность я вижу и здесь.

Уверена, что в скором времени у Пермского университета появится возможность реализовать тот вариант, когда у студентов есть реальный набор дисциплин, которые они могут выбирать. И в одной группе физики могут оказаться рядом с историками, историки — рядом с юристами, филологи — рядом с политологами и так далее. Маловероятно, что филологи выберут теорию политики или историю Древнего мира. Но, например, студенту журналисту или пиарщику может быть интересно послушать курс по истории войн.

Мы должны быть готовы к тому, что выбор студентов — это фактор, обуславливающий нашу, преподавателей, заня-